

Пульсоксиметр записал, сообщая, что пульс пациента изменился. Его веки начали подрагивать, дыхание изменилось. Медсестра Леночка, пришедшая делать укол, положила лоток со шприцем на стол и вышла из палаты. Леночка прошла по пустому коридору отделения интенсивной терапии и заглянула в ординаторскую.

– Лев Сергеевич, – обратилась она к толстому усатому мужчине в белом халате, – Сидоренко пришёл в себя.

Лев Сергеевич, врач-реаниматолог, быстро поднялся:

– Пойдёмте, посмотрим, – и вслед за Леночкой вышел из ординаторской.

Когда Лев Сергеевич и Леночка вошли в палату, Сидоренко уже окончательно проснулся.

– Где я?

– В палате интенсивной терапии. Как вы себя чувствуете?

– Холодно, и голова кружится. И швы тянет.

– Это последствия наркоза, – Лев Сергеевич взял пациента за запястье. – Сожмите кулак. Хорошо.

Доктор повернулся к Леночке:

– Что это? – спросил он, указывая на лоток. – Пирацетам? Поставите позже. Сейчас вколите ему обезболивающие.

Сидоренко чувствовал, что мочевого пузыря переполнен. Если позвать медсестру, она принесёт утку. Такая перспектива Сидоренко не устраивала. Опираясь на руки, больной медленно принял сидячее положение. Затем так же медленно, помогая себе руками, поочерёдно опустил ноги на пол. Взявшись за спинку кровати, подтянувшись, поднялся. Придерживая руками швы на животе, Сидоренко направился к двери. Выйдя в коридор, Сидоренко огляделся, лишние шаги делать не хотелось: болели швы, а куда идти, он не знал. Справа, шагах в десяти от себя,

Сидоренко увидел худого мужчину в больничной одежде.

– Где здесь туалет?

Мужчина показал рукой на дверь в конце коридора. Сидоренко сказал «спасибо» и, шаркая ногами, пошёл в указанном направлении.

Проснувшись на следующее утро, Сидоренко почувствовал сильный голод. Поднявшись с постели и выйдя из палаты, Сидоренко увидел уже знакомого худого мужчину, стоявшего возле лестницы.

– Простите, где тут столовая?

Человек возле лестницы ничего не ответил и начал спускаться вниз. Решив, что столовая внизу, Сидоренко пошёл за худым мужчиной. Навстречу поднималась Леночка.

– Вы куда? – спросила она.

– В столовую, – ответил Сидоренко.

– Вам ещё нельзя есть. Попросите родных принести Вам куриный бульон.

Сидоренко вернулся в палату. Через несколько минут в палату зашёл Лев Сергеевич.

– Слышал, вы уже встаёте? Как себя чувствуете?

Закончив осмотр, Лев Сергеевич сказал:

– Пора вас переводить в обычную палату.

К двенадцати часам дня Сидоренко заскучал.захотелось с кем-нибудь поговорить. Сидоренко выглянул в коридор. Возле окна стояли двое мужчин и смотрели в окно. Один из них был лысый, в другом Сидоренко узнал худого. Подойти к мужчинам Сидоренко не успел – в палату вошла Леночка:

– Собирайтесь, вас переводят на второй этаж.

В новой палате Сидоренко опять оказался единственным пациентом. Вечером, прогуливаясь по этажу, возле поста медсестры, Сидоренко увидел сидящую на кушетке девушку в белой

ночной рубашке. Волосы девушки были заплетены в длинную косу.

– Привет! – Сидоренко присел на кушетку рядом с девушкой.

Девушка посмотрела на Сидоренко пустыми глазами и ничего не ответила. Сидоренко не знал, как начать разговор, и просто молча сидел. Вдруг девушка резко встала, посмотрела прямо в лицо Сидоренко и сказала:

– Скажи моим родителям, чтобы они отпустили меня!

Сказав это, девушка повернулась и быстро пошла по коридору к лестнице. Сидоренко растерялся. Надо узнать, кто её родители, решил он, девушке явно нужна помощь.

Утром в столовой Сидоренко искал глазами знакомую девушку. Но среди пришедших на завтрак её не было. Вернувшись в палату, Сидоренко увидел худого мужчину из отделения интенсивной терапии, сидящего на кровати.

– Вас тоже перевели сюда? – обрадовался Сидоренко.

Мужчина покачал головой.

– Я в гости зашёл. Скажи моей жене, что я не смогу к ней вернуться.

– Почему вы сами ей это не скажете? – удивился Сидоренко.

– Она меня не слышит.

Мужчина грустно посмотрел на Сидоренко и вышел из палаты.

«Дурдом какой-то, – подумал Сидоренко. – Этим скажи, тем скажи, да где я найду всех этих родственников?!»

Днём в палату положили ещё двоих мужчин. Сидоренко больше не страдал от одиночества, ему было с кем поговорить, и он забыл и о девушке с косой, и о худом мужчине.

Спустя несколько дней Сидоренко решил прогуляться в больничном дворе. Возле входной двери путь ему перегородили трое: лысый, худой и девушка с косой.

– Вы что-то хотели? – почему-то испугался Сидоренко.

Все трое молчали.

– Что вам нужно?

Вдруг сзади раздался голос Леночки:

– С кем вы разговариваете?

Сидоренко повернулся к Леночке.

– Что им от меня нужно?

– Кому?

– Вот этим троим.

– Тут никого нет.

– Как же? – удивился Сидоренко. – Вот же стоят. Лысый со шрамом на лице, худой и молодая девушка с косой.

Леночка побледнела:

– А я не верила, что такое возможно... Идёмте за мной, – и она быстро побежала вверх по ступеням.

Сидоренко еле успевал за ней. Вбежав в ординаторскую отделения интенсивной терапии, Леночка почти закричала:

– Лев Сергеевич! Он их видит!

– Кого?

– Тех троих из криокамер!

Лев Сергеевич и Леночка молча смотрели на Сидоренко. Сидоренко не выдержал:

– Да что тут происходит?!

– У вас была клиническая смерть во время операции, и теперь вы видите мёртвых.

– Елена! – запоздало одёрнул медсестру Лев Сергеевич.

– У нас... в нашей больнице, в подвале есть криокамеры. Родственники умерших могут заморозить своих близких в надежде, что когда-нибудь медицина сможет их воскресить, – сказал Лев Сергеевич, обращаясь к Сидоренко.

– Сейчас в криокамере три пациента, и вы их внешне точно описали, – продолжила Леночка.

Сидоренко попятился к двери. Выскочив в коридор, Сидоренко увидел троих призраков.

– Мы не можем уйти в другую жизнь, наши тела находятся здесь, и мы к ним привязаны, – сказал призрак худого.

– И вернуться в тела мы не можем – они мертвы, – вторила худому девушка с косой.

– Только ты нас видишь и слышишь, помоги нам, – умоляюще просил лысый.

Сидоренко зажмурился и прижался спиной к стене:

– Хорошо, я поговорю с вашими близкими, я им объясню, я обещаю, только уйдите.

Сидоренко прислушался: в коридоре было тихо. Открыл глаза – коридор был пуст.

* * *

Спустя неделю Сидоренко был отпущен из больницы.

– За выпиской зайдёте во вторник после обеда, – на прощание сказала Леночка.

Затем, оглянувшись, подошла поближе и сунула Сидоренко в руку сложенный вчетверо лист бумаги:

– Может пригодиться, – сказала Елена шёпотом.

Выйдя на больничное крыльцо, Сидоренко развернул лист. Там были три адреса.

Сидоренко спустился с крыльца и направился к больничным воротам. Проходя мимо полуподвальных окон, Сидоренко остановился и заглянул в них – никакого движения. Пожав плечами, Сидоренко отправился домой.

Ночью Сидоренко приснилась девушка с косой. Она стояла бледная, в полумраке, посреди какого-то пустого помещения без окон со стенами, тонувшими в темноте, ёжилась от холода.

За утреним чаем Сидоренко просматривал листок с адресами. «Пожалуй, начну с лысого, – думал Сидоренко. – У него из родственников только сестра».

Было десять часов утра, когда Сидоренко вышел из дома и направился по первому адресу. Тихое субботнее утро ранней осени. Светило солнце, дул тёплый лёгкий ветерок, с деревьев, кружась, падали жёлтые листья.

«Как хорошо, – думал Сидоренко. – И как тяжело тем троим, запертым в больничном подвале на неопределённый срок».

Николаев Николай Алексеевич – первый из списка замороженных – проживал со своей сестрой на первом этаже старого кирпичного дома. Сидоренко был уверен, что это именно лысый, потому что Леночка так и написала в скобках под его адресом.

На двери подъезда был домофон. Сидоренко уже собирался набрать номер квартиры, когда распахнулось окно рядом с дверью. Красивая молодая женщина стала поливать цветы на подоконнике. Сидоренко подошёл к окну:

– Здравствуйте! Вы Нина? Сестра Николая?

Женщина посмотрела на Сидоренко и перестала поливать цветы, однако ничего не ответила.

– Меня зовут Антон, – представился Сидоренко. – Вы сестра Николаева Николая? – повторил он свой вопрос.

Нина кивнула.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Николай умер.

– Я знаю. Поэтому мне и нужно с вами поговорить.

Нина внимательно посмотрела на Сидоренко, потом кивнула:

– Заходите, я сейчас открою.

Квартира у Николаевых была очень просторной с высокими потолками. Мебель красивая, деревянная, возможно, даже старинная. Сидоренко невольно залюбовался интерьером.

– Это от родителей осталось, – сказала Нина, заметив интерес гостя. – Нам с братом здесь очень нравилось, и мы не хотели переезжать, хотя и имели такую возможность. Чай будете? Или, может, кофе?

– Чай.

– Так зачем вы пришли? – спросила Нина, разливая чай по чашкам.

Сидоренко замялся.

– Даже не знаю, как сказать...

– Говорите, как есть.

Нина поставила чашки на столик и присела в кресло, жестом пригласив Сидоренко сесть в другое.

– Вы мне не поверите.

Нина вздрогнула:

– Я, кажется, знаю, что вы хотите мне сказать. Говорите, Антон, я вам поверю.

– Николай просил его похоронить, – выпалил Сидоренко.

– Когда? Когда он это просил?

– Неделю назад. – Сидоренко смотрел в лицо Нины.

Нина внимательно посмотрела на Сидоренко:

– Но он умер два года назад.

Однако в голосе женщины не было ни удивления, ни возмущения.

– Но он же не похоронен?

– Нет, – спокойно сказала Нина. – Как он вас попросил?

– Явился ко мне после операции.

– Что?

– Мне делали операцию, а когда я пришёл в себя, увидел Вашего брата.

– Не востанет?

– Нет.

Нина встала, подошла к секретеру, достала оттуда какую-то бумагу и фотографию. Фотографию протянула Сидоренко.

– Это он?

На фото был тот самый лысый мужчина, которого Сидоренко видел в больнице. Только на фото мужчина улыбался и выглядел жизнерадостным.

– Да.

Нина протянула Сидоренко бумагу:

– Это завещание брата. Он был очень богатый, свой бизнес он завещал мне, а все свои деньги просил потратить на сохранение своего тела, если умрёт не очень старым. Хотел воскреснуть через много лет, в будущем.

Нина помолчала и, вздохнув, продолжила:

– Хотел быть замороженным, а теперь снится мне и просит его похоронить. А я не знаю, что делать.

– Наверное, сейчас он знает о смерти немного больше, чем знал при жизни, – сказал Сидоренко.

Нина молчала. Через несколько минут она произнесла:

– Мне просто сложно это принять. Но раз это его просьба... Вы придёте на похороны?

Антон кивнул.

По второму адресу Сидоренко пошёл в тот же день. Он решил, что это будет адрес девушки с косой. Её звали Анна Витальевна Вершинина.

Дом, где проживала Анна, находился в центре города. Забор, охрана, консьерж...

– Я к Вершининым. Нет, не ждут. У меня послание от их дочери.

Сидоренко поднялся на лифте на 16 этаж. Дверь квартиры 240 была открыта. Родители Анны встретили Сидоренко в подъезде:

– Кто вы? Откуда вы можете знать нашу дочь?

«Здесь нормальный разговор не получится», – понял Сидоренко. Он решил сказать всё и сразу:

– Ваша мёртвая дочь несколько раз являлась ко мне и просила передать вам, что бы вы отпустили её в новую жизнь.

– Она не мертва! Она просто сильно больна!

– Ну да, просто временно не дышит, – не удержался Сидоренко. – Ей плохо. Она просила это вам передать. Решайте сами, сколько будете её мучить.

Сидоренко направился к лифту. Остановился, повернулся к родителям Анны:

– А вы уверены, что после разморозки она будет прежней? Что её мозг будет функционировать так же, как и раньше? Что даже если она и вернётся, она сможет разобраться в изменившемся мире? А мир изменится. Он постоянно меняется. Неизвестно сколько пройдёт лет, и будут ли ещё живы её друзья и родственники. Куда она придёт? Кто ей поможет адаптироваться? Кому она будет нужна?

Сидоренко нажал кнопку лифта. Двери открылись, Сидоренко вошёл в лифт и уехал.

Остался последний адрес. Худого звали Игорь Константинович Денисов. Проживал с женой и сыном в частном доме. Подходя к дому Худого, Сидоренко увидел на улице двух мальчиков, играющих в мяч. Один из мальчиков был просто копией Игоря Константиновича. «Хорошо, что ребёнок во дворе, незачем ему это слушать».

Сидоренко толкнул калитку. Пройдя по каменной дорожке к дому, Сидоренко позвонил в дверь.

Антону открыла высокая стройная женщина в домашнем халате.

– Здравствуйте! Вы к кому?

– К вам. Я от вашего мужа. Игоря. – добавил на всякий случай Сидоренко.

Из глаз женщины потекли слёзы:

– Вы знали Игоря?

– Не совсем. Я познакомился с ним недавно.

– Перед аварией?

– После.

– В больнице? Мне сказали, что его не успели доехать до больницы, он умер в скорой.

Сидоренко боялся, что женщина ему не поверит и захлопнет дверь, но всё-таки продолжил:

– Умерло его тело. А душа жива. Но она привязана к телу и не может ни уйти, ни вернуться. Он приходил ко мне после смерти, просил освободить его. Но это можете сделать только вы.

– Почему я должна вам верить?

Сидоренко пожал плечами:

– Не знаю, – честно сказал он.

Жена Худого молчала, Сидоренко тоже.

– Может, зайдёте? – сказала она наконец. – Мне так одиноко последнее время.

Сидоренко зашёл в дом.

– Пойдёмте в гостиную, – жена Худого провела Сидоренко в большую комнату с камином. – Расскажите мне об Игоре, – попросила она.

Сидоренко рассказал, что с ним произошло в больнице.

– И Игорь хочет уйти?

– Да.

– А как жея?

– Вы будете жить дальше.

– Без него?

– Его давно не стало?

– Два месяца.

– Значит вы уже два месяца без него.

Женщина снова заплакала.

– Как вас зовут?

– Анжела.

– Анжела, поймите, он не сможет вернуться.

– Это сейчас. А через много лет...

– Через много лет вам будет много лет, а он так и останется молодым. Как вы себе представляете его возвращение и вашу совместную жизнь?

– Вы и себя жизни лишаете, – сказал Сидоренко подумав. – Вы же не живёте, а ждёте его возвращения.

– Я не представляю жизни без Игоря.

– Просто прошло мало времени. Подумайте. И о нём, и о себе. Вам обоим надо жить дальше... только в разных мирах.

На похоронах Николая Сидоренко стоял позади всех. Вдруг, кто-то легонько тронул его сзади по плечу. Сидоренко обернулся. За его спиной стояла девушка с косой.

– Они всё-таки решили меня отпустить. Спасибо тебе!

Сидоренко улыбнулся.

– Они готовят пышные похороны. Приходи в следующую субботу.

– Приду, – пообещал Сидоренко. – А Игоря мы вчера похоронили.

– Я знаю, – сказала Анна улыбаясь. – Осталась толькоя.

Вечером в начале октября Сидоренко шёл с работы. Возле газетного киоска стояла Нина.

– Антон, ты чего так долго?

– Задержался немного. Билеты купила?

– Да. Кино через двадцать минут начнётся. Мы опоздаем.

– Пойдём через больницу, так быстрее.

Проходя мимо больницы, Сидоренко невольно глянул на полуподвальные окна. В них было темно. Вдруг, он заметил какое-то движение по ту сторону окна. Чья-то маленькая ручка стучала в стекло, и слышался приглушённый плач: «Выпустите меня! Мне холодно и страшно!»